

Научная статья

УДК 82.0

DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-289-306

**«Двойной нельсон» В. Яновского:
«рассказ о дьяволе»**

Елена Николаевна Проскурина

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
proskurina_elena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2809-6780>

Аннотация

Представлен анализ малоизвестного рассказа В. Яновского «Двойной нельсон» в свете апокрифического сюжета о договоре с дьяволом. Автор известен современному читателю главным образом своей мемуарной книгой «Поля Елисейские» (1983). Однако у него есть немалое художественное наследие, еще ждущее серьезного исследования. Показаны способы модификации древнего сюжета в рассказе, привлекающем внимание диалогичностью с литературными текстами о дьявольском пари. Среди них главное место занимает «Пиковая дама» Пушкина. При этом произведение строится не на теме карточной игры, а на шахматном поединке. Попытка героя, заключившего договор, вырваться из-под власти дьявола во время шахматного турнира оборачивается для него смертью, что становится реализацией метафоры, встроенной в название рассказа: двойной нельсон – прием в борьбе, обрекающий соперника на однозначное поражение. Интерпретация произведения включает социально-политическую ситуацию, связанную с убийством президента Третьей республики П. Думера. Данная связь присутствует в тексте на уровне намека.

Ключевые слова

проза В. Яновского, сюжет о договоре с дьяволом, шахматы в литературе, межтекстовый диалог

© Проскурина Е. Н., 2025

Для цитирования

Проскурина Е. Н. «Двойной нельсон» В. Яновского: «рассказ о дьяволе» // Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 289–306. DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-289-306

“Double Nelson” by V. Yanowsky: “The Story of the Devil”

Elena N. Proskurina

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
proskurina_elena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2809-6780>

Abstract

The article presents an analysis of V. Yanovsky’s little-known story “Double Nelson” in the light of the apocryphal plot about the pact with the devil. The author is known to the modern reader mainly by his memoir book “The Elysian Fields” (1983). However, he has a considerable artistic legacy still awaiting serious research. He ways of modifying the ancient plot are shown in the story, which attracts attention by its dialogue with literary texts about the devil’s wager. The “Queen of Spades” by Pushkin occupies the main place among them. In this case, the work is based not on the theme of a card game, but on a chess match. The pacted hero’s attempt to break free from the devil’s power during a chess tournament turns out to be his undoing. This becomes the realization of a metaphor embedded in the title of the story: the double nelson is a technique in wrestling that condemns the opponent to unequivocal defeat. The interpretation of the work includes the socio-political situation surrounding the assassination of the president of the Third Republic, P. Dummer. This connection is present in the text at the level of hint.

Keywords

V. Yanovsky’s prose, the plot of the contract with the devil, chess in literature, intertextual dialogue

For citation

Proskurina E. N. “Double Nelson” by V. Yanowsky: “The Story of the Devil”. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2025, no. 1, pp. 289–306. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-289-306

В книге мемуаров «Поля Елисейские» В. Яновский вспоминает, как «вдруг, манкируя экзаменами»¹, начал писать рассказ о дьяволе, формально о шахматах» [Яновский, 1993, с. 28]. Речь идет о рассказе «Двойной нельсон», который писатель предложил в журнал «Современные записки», но получил отказ в публикации: рассказ оказался «недостаточно хорош» [Яновский, 1993, с. 28] для этого издания, считавшегося самым авторитетным в эмигрантской среде. Отказ вызвал бурную реакцию не только самого автора, который «очень ценил» свое произведение [Там же, с. 29], но и Вл. Ходасевича, пришедшего «в бешенство» от этого известия: «Ну, зачем они берутся не за свое дело? Ну, зачем они берутся не за свое дело! – повторял он с отвращением» [Там же]. Несколькими годами позже произведение было опубликовано во втором номере «Русских записок» за 1937 г. в окружении таких прозаиков, как Дм. Мережковский («Жизнь Данте»), В. Сирин («Озеро, облако, башня»), А. Ладинский («Борисфен, река скифов»), Л. Зуров («Дозор»), Б. Волков («Степной ворон») [Яновский, 1937]². После первой публикации рассказ был переиздан в журнале «Время и мы» [Яновский, 1986], а также в сборнике прозы писателя «Любовь вторая» [Яновский, 2014].

Нельзя утверждать, что «Двойной нельсон» принадлежит к особо выдающимся произведениям русской литературы, несмотря на достойное окружение, в котором он представлен в «Русских записках». Вместе с тем его дважды осуществленное переиздание свидетельствует о внимании к нему публикаторов, основанном на неподдельном интересе. Достаточно сказать, что прозаический раздел журнала «Время и мы» содержит только два произведения. Кроме «Двойного нельсона», это подборка коротких рассказов М. Жванецкого под общим названием «Светлые проблемы темной личности». Вполне вероятно, что поводом к объединению двух произведений в одной рубрике стали семантические пересечения содержания рассказа Яновского с названием цикла Жванецкого.

Несмотря на небольшой объем, «Двойной нельсон» любопытен диалогичностью со множеством литературных текстов, часто на уровне намека, а также с историко-политическим контекстом. Краткая фабула рассказа

¹ Оказавшись в 1926 г. в Париже, Яновский поступает на медицинский факультет Сорбонны, окончив который, в 1937 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины.

² Цитаты из рассказа приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках.

такова: молодой человек по фамилии Тургай движим идеей обыграть в шахматной партии Чемпиона, хотя для этого у него нет ни достаточного опыта, ни выигранных призов, ни миллионного залога, необходимого для турнира. Неожиданно в кафе, где собрались шахматисты, с которыми Тургай делится своим намерением, появляется незнакомец, предлагающий Тургаю «шахматное могущество» в обмен на тело героя:

– Я вам помогаю. Если эта помощь вас тяготит и вы освобождаетесь от нея, в чем вы вольны, вы умираете. А я зарабатываю разницу.

– То-есть?

– Я доживу ваш век.

– Разницу, разницу, – с отвращением повторил Тургай и задумался.

– Риск обоюден! – зашептал, замелькал Штольц. – Я трачу свое богатство, власть, а вам вдруг жить-то вообще осталось не более месяца. Никто ведь этого не знает доподлинно. Риск! Или вы сумеете, если хватит воли, ограничить себя по-настоящему и моя помощь вам не опостылит...

– Да? – заинтересовался Тургай. – И тогда...

– Тогда, голубчик, я в накладе! – обрадовался Штольц. – Пользуйся могуществом и живи до конца: никакой «разницы» для меня не останется. Хотя считаю долгом предvarить, за всю мою практику только один дотянул до положенного ему предела.

– Кто такой? – спросил Тургай.

– О, это было много веков тому назад, – поморщился Штольц...

<...>

– Странно, – произнес наконец Тургай. – Я всегда думал, что там у вас ценится превыше всего душа, душа наша, за это полюбил даже вас. А оказывается: опять паскудное тело с толстой кишкой.

– Нам душа нужна, – неохотно объяснил Штольц. – Но ведь человек, вы знаете, душа его сама, к чему на нее тратить могущество <sic!>? (с. 47–48) ³.

При своем появлении незнакомец так представляет себя: «В Гамбурге меня звали Штольц, в Константинополе Качь, в Одессе Байт. Я торговал зерном, пенькой, дичью, многим другим» (с. 45). Подобная многоликость характерна для героя-трикстера, однако от этого персонажного типа Штольца отличает раскрывающееся в процессе диалога наличие злого убийственного умысла, что отсутствует в парадигматических свойствах трикстера, чаще всего наделенного плутовскими чертами, служащими предметом осмеяния. Показательно, что в дальнейшем визави Тургая является исключительно немецкой фамилией, отсылающей к германской

³ Здесь и далее особенности орфографии и пунктуации источника сохранены.

ветви мировой дьяволиады, на номинативном уровне продолженной в русской литературе произведениями Пушкина («Пиковая дама», «Сцена из Фауста»), Лермонтова («Штосс»), Брюсова («Огненный ангел»), Булгакова («Великий канцлер», «Мастер и Маргарита») и др.

После беседы со Штольцем Тургай, «юный мастер второстепенного клуба» (с. 48), неожиданно бросает вызов Чемпиону, который тот столь же неожиданно принимает, что рождает в городе множество толков.

На протяжении игры, от партии к партии, Тургай при неизменном выигрыше все больше теряет интерес к процессу, лениво и безразлично делая очередной ход. Однако в последнем, девятнадцатом туре, во время которого он читает неназванную книгу Якова Беме, Тургай вдруг внезапно оживляется, в нем просыпается не только интерес к шахматной партии, но жалость и сострадание к сопернику. В это мгновение и Чемпион словно выходит из «чугунного сна», партия набирает темп, наполняется жизнью, движением. Но в момент наметившегося триумфа Тургай видит перед собой торжествующее лицо Штольца, который вскоре, приняв на себя функцию врача, засвидетельствовал смерть героя.

Итак, в основу сюжета Яновский закладывает архетипическую коллизию дьявола и человека, осложненную сюжетной ситуацией азартной игры. Однако в данном случае это не игра в карты, как, например, в пушкинской «Пиковой даме», а шахматный поединок. Отметим тот исторический факт, что отношение к шахматам как «бесовской» игре бытовало на Руси еще со времен Средневековья и закреплено в «Домострое» (XVI в.): «...и возрадуются беси и приидут волю свою улучив и вся угодная творится им да также бесчинствуют и зерню и шахматы, и всякими играми бесовскими тешатся»⁴. Таким образом, история шахмат в России оказывается более долгой, чем история карт, появившихся в стране лишь в XVII в. и попавших под запрет ненадолго: введенный царем Алексеем Михайловичем в 1649 г., он был отменен Петром Первым⁵. В итоге карточная игра распространилась по всем ступеням социальной лестницы, от дворян до низов общества, вплоть до уголовной среды. В отличие от карт, в народном сознании за шахматами закрепилось мнение как об «интеллигентской», «благородной игре» [Потемкин, 1926, с. 34], с тянущимся из преды-

⁴ См.: Домострой. Сильвестровская редакция. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/domostyr.htm> (дата обращения 03.09.2024).

⁵ Информации об официальной отмене запрета на шахматы нам найти не удалось.

дущих веков налетом дворянского увлечения (вспомним, например, шахматную партию Ольги и Ленского в романе Пушкина, Бориса и Берга, Веры и Шиншина, Наташи и Сони в «Войне и мире» Толстого или самый известный русский «шахматный роман» «Защита Лужина» заядлого шахматиста В. Набокова. Известно увлечение шахматами и русских царей: Ивана Грозного, царевны Софьи, Петра Первого, ассамблеи которого проходили с шахматными играми. Среди писателей-классиков шахматистами были Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Толстой). Однако Яновский в своем рассказе обращается к домостроевскому взгляду на шахматы как проявлению бесовской воли, что выступает литературным вариантом карточной игры (хотя мотив одержимости шахматами ощутим и в «Защите Лужина»). Не случайно Г. Струве отнес набоковского героя к той галерее персонажей, у которых «нет души»⁶ [Струве, 1996, с. 193]).

Уже экспозиционная часть рассказа Яновского наполнена символикой поединка света и тьмы, в красках которой изображена шахматная партия, что служит настройкой на дальнейшее развитие сюжета:

Второй час июньской ночи медленно истек. Кафэ, где собирались шахматисты, уже после полуночи начало пустеть; к этому времени и самые завязтые игроки разошлись. Оно было пусто, это огромное помещение, уставленное малыми столиками, на которых лежали шахматные доски, несущия по несколько белых и черных фигур в эндшпиле, где короли возвышались в среде последних пешек, как библейские патриархи, и положение одного из них было всегда удручающим, подобно князю мира сего, а разбросанные кругом, уже отыгравшие фигуры уподоблялись грешникам на страшном суде или гражданам города, обреченного на гибель (с. 43).

Первая портретная характеристика героя представляет его «юношей с глинисто-зеленым лицом, с большими, пустыми, жестокими глазами наркомана, одержимаго» (с. 44), что в дальнейшем сделает его легкой добычей дьявола Штольца. Притяжение Тургая к злой силе не раз акцентируется в тексте: если после появления незнакомца завсегдатаев кафе охва-

⁶ Сюжетная ситуация шахматного поединка с дьяволом есть также в «Мастере и Маргарите» Булгакова (Воланд и Кот Бегемот). В пародийном ключе она представлена в рассказе П. Потемкина «Автомат, или Чудеса, случившиеся в Старой Праге в 183... году» [1926]. С большой долей вероятности, Яновский был знаком с этим произведением, о чем свидетельствуют отдельные мотивные пересечения. Однако эта тема выходит за рамки нашего исследования и требует отдельного рассмотрения.

тывают непреодолимый страх и желание вырваться наружу, то сам Тургай испытывает к нему интерес и соглашается остаться с ним наедине. На ответ Штольца о себе как помощнике дьявола Тургай реагирует восторженно-ужасающе, что вызывает у того радостную реакцию: «...я ведь знал, что мы с вами подружмся» (с. 46). Следующая текстовая метка – «злая, прекрасная улыбка» (с. 47), не сходящая «с юного изможденного лица» (с. 47) героя, говорящая о двойственном чувстве притяжения-отталкивания от Штольца. Объяснение этого противоречивого чувства следует из реплики Тургая: «Странно... Я всегда думал, что там у вас ценится превыше всего душа, душа наша, за это полюбил даже вас. А оказывается: опять паскудное тело с толстой кишкой» (с. 48). Однако притяжение одерживает верх, и герой после недолгих раздумий соглашается на сделку. Хотя попытка увильнуть из-под дьявольской власти все же проигрывается им в заключение беседы со Штольцем:

– А если я как-нибудь подведу? В церковь спрячусь или тому подобное?

Штолец залился тихим, добродушным смехом:

– Поверьте, все это спрашивают. Честно отвечаю: либо вы не верите вообще в мои силы, либо догадайтесь уж, что у меня найдутся способы воздействия. Как джентльмен говорю: на это рассчитывать не приходится (с. 47).

Автор рассказа не скрывает в глубине подтекста, а, наоборот, нарочито эксплицирует детали, окружающие фабулу договора с дьяволом. Это такие элементы, как необычайная, сухая жара, «плавающая» город (ср. со страшной июльской жарой, описанной Достоевским в «Преступлении и наказании», изматывающей жарой в «Великом Канцлере» и «Мастере и Маргарите» Булгакова), смутное чувство, что в этой игре «что-то не так», охватывающее всё большую часть зрителей, слонявшихся, «как отравленные зачумленные, одурелые», потерявшие «волю, сноровку и память» (с. 53), а также поведение обоих партнеров, выглядящих разбитыми, беспомощными и теряющими интерес к турниру. Здесь можно привести целую галерею литературных героев с больным сознанием, подверженных дьявольскому вмешательству: Раскольников, признающийся Соне в том, что его «черт тащил»⁷, Иван Карамазов, Ставрогин, пушкинский Германн,

⁷ «Не прерывай меня, Соня! Я хотел тебе только одно доказать: что черт-то меня тогда тащил, а уж после того мне объяснил, что не имел я права туда ходить, потому что я такая же точно вошь, как и все! Насмеялся он надо мной...» [Достоевский, 1973, с. 322].

а также Срубов – герой повести Зазубрина «Щепка»⁸ и др. Однако, в отличие от всех этих персонажей, у Тургая отсутствует малейший намек на саморефлексию. Он всё больше превращается в автомат, полностью подчиненный чужой властной воле. При этом в рассказе отсутствует сам момент подписания договора. Сцена со Штольцем завершается его предложением Тургаю перейти из кафе в погребок, где продолжить разговор, что становится межтекстовой отсылкой к «Фаусту» Гёте.

Традиционно сделка с нечистой силой прельщает героя обещанием достижения материальных благ, более высокого социального статуса, удачи в любви, возвращения молодости либо обретения абсолютной Истины. У героя Яновского нет ни одного из названных намерений. Ему важна победа над Чемпионом как таковая:

Я хочу топтать его ногами, – неистовствует герой. – Показать всему миру свое бесспорное превосходство, встретить ускользающий сдающийся взгляд Чемпиона, чтобы он признался вдруг: «я проиграл, конечно. Это жутко. Все что я знал до сих пор, лишь молоко для беззубых по сравнению с вашим классом. Мне боязно вас ненавидеть». И Быков, этот пошлый боров, напишет в газете: «50 лет я комментирую партии. 50 лет я все понимал и все объяснял, порицал и одобрял, низвергал и руководил. Теперь все понятно: господа, плюньте мне в харю, я дурак». Я дебютирую королевской пешкой. Чемпион усмехнется и ответит конем. Быков протелефонирует: «все, как мы предвидели». А тем не менее я задушу его. Чемпион отдаст качество, пешку. Я похороню его на 17-м ходе! (с. 43–44)⁹.

Таким образом, вызов Тургая – не более чем жест, в чём проявляется чистая гордыня, отсылающая к «маленькому» гордому человеку Достоевского, подобному герою «Двойника» Голядкину, что акцентировано

⁸ Об элементах дьявольского сюжета в повести Зазубрина см.: [Проскурина, 2020, с. 42–67].

⁹ Нельзя обойти вниманием тот биографический факт, что сам В. Яновский был заядлым шахматистом и «в тех редких случаях, когда он проигрывал, он испытывал приступы настоящего бешенства. По воспоминаниям сына его второй жены Изабеллы, однажды его победа над Яновским чуть не окончилась для юного шахматиста самым роковым образом: он до сих пор уверен, что остался жив лишь благодаря вмешательству их пса Бамбука, отважно бросившегося между игроками» [Рубинс, 2014, с. 30]. Показательно, что для финального поединка своих персонажей автор выбирает разработанный им самим игровой прием: «Шел 19 тур. ... Игнали гамбит ферзевых пешек Яновского» (с. 54).

в портрете Тургая при его появлении на турнире и реакции на него окружающих:

В парусиновых туфлях, сутулясь, он мучительно медленно брел по вылощенному, великолепному паркету... Он вошел той будничной, терпеливой походкой, с какой чиновники направляются к привычному знакомому месту службы. И жюри, и почетные гости, и журналисты с Быковым во главе подумали, что не без претензий этот курчавый мальчик, играющий на первенство мира. Он был в том же сереньком костюме с темно-коричневым свитером вместо жилета... (с. 50–51).

Чувство неловкости, испытываемое героем, выражено приемом контраста между окружающей великолепной обстановкой и его обликом мелкого чиновника. Однако его нисколько не заботят материальные благополучия, которыми может обернуться для него победа над Чемпионом. В отличие от Голядкина, жаждущего общественного признания, переворачивающего его судьбу неудачника, Тургаю достаточно «прекрасного мгновения» триумфа. Его равнодушие и безразличие к следующим за поединком событиям звучит в ответе на вопрос, что он предпримет, если выиграет турнир: «Поеду, может быть, в Китай» (с. 51).

Таким образом, герой Яновского не подпадает ни под один тип героев – участников дьявольского пари, закладывающих душу ради получения мирских благ. Из некоторых неразвернутых намеков следует, что внутри него происходила какая-то внутренняя работа, связанная с высвобождением из-под воли нечистой силы. Так, однажды он заявил «одной девушке»: «Ты на меня не рассчитывай, я все равно долго не собираюсь жить» (с. 54). Здесь напомним приведенную выше реплику Штольца: «Я вам помогаю. Если эта помощь вас тяготит и вы освобождаетесь от нея, в чем вы вольны, вы умираете» (с. 47). Кроме того, в двух местах рассказа подмечено, что Тургай во время турниров читает книгу. В первом случае ни имя автора, ни название не указаны, во втором говорится, что это сочинение Я. Беме, читаемое во время последнего тура. Вероятно, речь идет о книге «Аврора, или Утренняя заря в восхождении», где о поврежденности природы человека, вступившего в связь с дьяволом, в частности, говорится: «Подобно тому как яблоко на дереве становится червивым и дряблым, когда постигает его стужа, зной и медвяная роса, и легко отпадает и портится, так и человек, когда он дает господствовать в себе дьяволу с его ядом» [Беме, 2000, с. 22–23]. О перевороте, произошедшем в сознании героя, свидетельствует резкая смена его поведения:

Вдруг он поднял глаза и внимательно посмотрел; с минуту он удивленно впитывал в себя окружающее – внезапно разбуженный, прозревший. Чемпион, сгорбившись, изступленно грыз ногти, упершись почти лбом в доску. Было в его позе, в обороте шеи, плеча нечто такое, отчего Тургай весь так и затрясся – в самую душу хлестнуло. Жалость – до боли, до слез, до радостных рукопожатий – толкнула, полоснула Тургая. Он приподнялся, поднесенный волной саднящей любви к этому противнику, брату, так полно, так безжалостно оставленному, захлебывающемуся, гибнущему. «Как тяжело, как несправедливо, – проигрывать!» – вспомнилось ему. «Какая муть в глазах, а в душе?» И весь жалостно порываясь, он встал, страшивая навождение, оглянувшись, впервые может за все время осознав, переработав: и любопытных кругом, и дополуденное солнце, протянувшее рыжие руки к паркету, и пустое лицо Чемпиона и доску, на которой в знакомом, упоительном жару носились ледяные, недвижные фигуры. Он, наконец, заметил эту смертельную бойню (с. 54–55).

Иначе говоря, книга Беме оказала отрезвляющее воздействие на Тургая, в результате чего он нарушает условия договора, пытается высвободиться из-под власти Штольца и достичь победы собственными силами. С этого момента игра по-настоящему оживляется, герой испытывает подлинный азарт, ведущий его к победе. Экстаз побеждающего Тургая передан в тексте плотностью метафорического ряда:

Тургай играл. Будто волторны пели в его ушах. Он переставлял фигуру и все стихало, – как во время сабельной рубки. Он играл, и очередной ход его был, как выставленная рама весной; кони бежали: жеребята, выпущенные из зимнего загона; пешки налились кровью, на них маячили ферзевы короны. Все ожило, расцвело, засияло теплым светом... (с. 56).

Однако на последнем этапе поединка герой неожиданно терпит крах. «Прекрасное мгновение» победного триумфа оборачивается для него трагедией поражения. В этом фрагменте наконец происходит реализация метафоры, заложенной в название рассказа: двойной нельсон – это прием в борьбе, высвободиться из которого невозможно¹⁰. Таким образом, в финальной ситуации герой Яновского оказывается в общем ряду литературных персонажей, решившихся на сделку с дьяволом, но в итоге остающихся в проигрыше. Единственное исключение, на которое намекает в самом

¹⁰ Прием назван по имени борца Нельсона, впервые его применившего. Его техника заключается в том, что, находясь за спиной противника, борец просовывает руки ему в подмышки, сцепляя их в замок на затылке или на шее, с силой надавливая на эти части тела, тем самым обездвиживая соперника.

начале Штольц, это гётевский Фауст. Но и его постигла бы та же общая участь, не вмешайся в его судьбу высшие силы.

Ведущим приемом фрагмента, повествующего о последнем этапе игры, является недосказанность, контрастирующая с детальным описанием предыдущих этапов, затемняющая суть происходящего, словно чья-то чужая сила вступает в действие, смешивая не только ход игры, но смысл высказывания, внося неопределенность и двусмысленность в его интерпретацию:

Тургай, – одержимый, – прорывался. Он стоял, грозно вытянувшись, косой, нависая над скорчившимся, изнемогающим Чемпионом. Это длилось минут 20, может больше, никто не считал – к стыду или к чести. И вот неожиданно, на линии «f», на белом предпоследнем поле расцвела вдруг пешка. Победа, казалось, вынырнула из чудесных недр с такой осязаемой, напористой мощью, что зачарованный амфитеатр, весь, как одно многорукое существо, поднялся и, дружно хлопая, устроил овацию. Тургай вздрогнул, недоумевающе оглянулся, медленно приходя в себя; в одном месте хлопали громче, он вдруг обеспокоенно задрал голову, стараясь рассмотреть, кто там шумит: спереди, свешиваясь, прямо над ним, знакомый господин в черном, старомодном котелке гулко аплодировал, держа свои большие руки на весу и улыбаясь Тургаю. ...Оаа... – что-то вдруг тоненько всхлипнуло в груди Тургая, и, растопырив локти, он слепо рванулся к улыбающемуся. Он зацепил кресло, перевернул его и, протяжно, глухо охнув, рухнул на пол. Кто-то шевельнулся – первый; потом – другие. И вот уже исполинской зал, трибуны, раек и ложи – завопил, застонал, завизжал. Люди ломали друг другу пальцы, стучали сапогами, хрипло уверяли, клялись, доказывали, – и у всех было чувство, что они именно такое предвидели, ждали, а теперь баста: пружина отпущена, опасность миновала (с. 56–57).

Показательно, что в эпизоде не названо имя победителя, образ Чемпиона с этого момента исчезает из произведения. На его победу указывает несколько косвенных деталей: неожиданность появления непонятно откуда «расцветшей» пешки, бурная реакция зрителей на нее, говорящая о непредсказуемости, внезапности этого события, не подготовленного всем ходом поединка, а также последняя реакция публики, видимо, всё же не желавшей победы Тургая – своего рода «беззаконной кометы» среди признанных шахматных авторитетов, первым из которых был Чемпион.

На уровне межтекстового диалога поведение Тургая в рассказе рифмуется с поведением пушкинского Германа: ни у того, ни у другого нет опыта «большой» игры. Герман до своего рокового решения вообще «отроду не брал... карты в руки, отроду не загнул ни одного паролит»

[Пушкин, 1978, с. 210], а Тургай является рядовым игроком какого-то «второстепенного клуба». Однако оба после обещания сверхъестественной помощи решаются на поединок с непревзойденными игроками: Германн – с Чекалинским, Тургай – с Чемпионом, что и в одном, и в другом случае вызывает удивление окружающих. Одновременно есть существенное различие в игровом поведении героев. Пушкин очень скуп описывает настроение Германна, отмечая лишь автоматизм и минимализм его жестов во время каждого тура, хладнокровно-уверенную реакцию на два первых выигрыша. Автоматическое поведение Тургая обусловлено не столько уверенностью в результате, сколько потерей интереса к игре, убыванием сил, чем акцентируется подчиненность чужой воле. В финальной ситуации его реакция на проигрыш варьирует реакцию Германна. Сравним два эпизода:

Германн *вздрогнул*: в самом деле, вместо туза у него стояла пиковая дама. *Он не верил своим глазам, не понимая, как мог он обдернуться.*

В эту минуту ему показалось, что *пиковая дама прищурилась и усмехнулась*. Необыкновенное сходство поразило его...

Старуха! – вскричал он в ужасе (курсив мой. – Е. П.) [Пушкин, 1978, с. 237];

Тургай *вздрогнул, недоумевающе оглянулся, медленно приходя в себя*; ...он *вдруг* обеспокоенно задрал голову, стараясь рассмотреть, кто там шумит: спереди, свешиваясь, прямо над ним, *знакомый господин в черном*, старомодном котелке гулко аплодировал, держа свои большие руки на весу и *улыбаясь Тургаю* (курсив мой. – Е. П.) (с. 56).

Кроме схожей телесно-психологической реакции о переключке двух текстов говорит то, что и Германну, и Тургаю в последний момент являются их партнеры по договору. В одном случае явление вызывает сумасшествие, в другом – смерть героя. Кроме того, сквозь изображение Яновским смерти Тургая мерцают отголоски пушкинского описания смерти графини, что усиливает диалогизм «Двойного нельсона» с «Пиковой дамой»:

При виде пистолета графиня во второй раз оказала сильное чувство. Она закивала головою и подняла руку, как бы заслоняясь от выстрела... Потом покатила навзничь... и осталась недвижима [Пушкин, 1978, с. 226];

...Оаа... – что-то вдруг тоненько всхлипнуло в груди Тургая, и, растопырив локти, он слепо рванулся к улыбающемуся. Он зацепил кресло, перевернул его и, протяжно, глухо охнув, рухнул на пол (с. 56).

«Сильное чувство» графини рифмуется с предсмертным возгласом Тургая, ее «покатившееся» в кресле тело, т. е. сползшее вниз по высокой спинке, у Яновского преобразуется в падение Тургая на пол из кресла, которое он, зацепив, переворачивает. Такая вариативность указывает на разность проявления силы внутреннего потрясения, в одном случае говорящем о телесном угасании, в другом – о полноте энергии и несвоевременности смерти.

Рассказ завершается сценой в поэтическом кафе, где своей новой жертвой Штольц выбирает юного поэта. Однако, в отличие от Тургая, этот герой движим высоким намерением создания хотя бы одной страницы подлинного, «чистейшего» произведения, в котором «Недра и поднебесье – отсеянные. ...чтобы оживить строку, надо повиснуть на ней душой и телом...» (с. 57). Облик неожиданно появившегося в момент произнесения этой речи дьявола соответствует намерению Н.: он предстает «дородным господином в длинном пальто, похожем на сутану» (с. 57), т. е. в образе священника либо монаха – посредников между землей и Небом. Любопытно, что «под покровом ряс» [Гёте, 2004, с. 503] Штольца отсутствуют черты, соотносимые с телесностью Тургая, оказавшегося, таким образом, напрасной жертвой коварного дьявола. Вопрос, завершится ли новая встреча сделкой, остается открытым.

В рассказе Яновского есть небольшой фрагмент, отсылающий к современной автору социально-политической ситуации. Он связан с заметкой журналиста Быкова, в которой проведены любопытные аналогии: «...этот нахальный поступок рисует юношу, как новаго Герострата или, того лучше, – как шахматного Горгулова» (с. 49). Возвеличение Тургая до образа Герострата, сжегшего храм Артемиды для того, чтобы оставить свое имя в истории, явное преувеличение. Сложнее обстоит дело с параллелью Тургай – Горгулов. Последний был русским эмигрантом, поэтом, писавшим под провокационным псевдонимом Поль Бред. И действительно, в монпарнасской среде его поэзия была предметом осмеяния. Вот лишь один из эпизодов, описанных Яновским, хорошо знавшим Горгулова, в книге «Поля Елисейские»:

Помню, раз Горгулов читал в «Ла Боллэ» поэму, где черный кот все хотел кого-то или что-то умять... Комната кафе... буквально сотрясалась от глумливого хохота современных российских поэтов. <...>. Тогда Горгулов поднялся во весь свой богатырский рост, и сидевшие близко испугались: гигант, тяжеловес, вот-вот схватит длинную скамью и начнет крушить – мокрого места не останется!.. И в то же время смешно: этакая несурезность!

Образцовая физическая машина, а в мозгах явная нехватка. Ну, зачем он пишет поэмы? [Яновский, 1993, с. 23].

Однако в истории память о Горгулове – поэте-дилетанте – сохранилась как об убийце президента Третьей республики Поля Думера. В рассказе Яновского журналист Быков соотносит этот факт с намечающимся поражением Чемпиона от неопытного игрока Тургая. Любопытно, что в мемуарах Яновский связывает террористический акт Горгулова с переизбытком его физических сил: «Силы у Горгулова не переводились, но куда их девать – вот вопрос. Через несколько месяцев он застрелил президента республики, невинного и седовласого старца Думера» [Яновский, 1993, с. 24]. Акцент в воспоминаниях мемуарист переносит на сцену казни Горгулова:

И вот случилось: член парижского объединения писателей и поэтов всходит на высокие мостки. Карьера противоположная, но по блеску почти равная карьере Сирина-Набокова. <...>. Уже светало, когда с ним покончили. Издалека, по движению ставшей одним телом толпы, можно было догадаться, что не все протекает в соответствии с расписанием. Последние минуты тянулись немыслимо долго... Кругом шепотом объясняли, что нож заело, что надо начинать сначала. Но наутро газеты объяснили: крупное тело Горгулова не умещалось в ложе гильотины... Шея казака не влезала в раму под нож. <...>. Горгулов умер среди толпы чужих, на манер Остапа Бульбы («Слышишь ли ты меня, батько?»). В другое время, под иными звездами, в знакомой среде из него вышел бы, пожалуй, герой [Там же, с. 24–25].

В приведенном фрагменте несложно заметить ноту сочувствия Яновского-мемуариста убийце Горгулову, в граничащем с безумием поступке которого ему видится некое безрассудное геройство как жест противостояния исторической несправедливости, обрекшей на второсортность тысячи русских эмигрантов. При этом сама русская диаспора постаралась обезопасить себя в чрезвычайно резонансном и до конца не разгаданном деле рассылкой писем и соболезнований французскому правительству и вдове Думера (см., например: [Носик, 2006, с. 137–157]). Так, предельно резко высказался о Горгулове В. Ходасевич в августовском номере газеты «Возрождение» за 1932 г., т. е. после убийства Думера, произошедшего 6 мая того же года:

Настал век двадцатый. Две войны и две революции сделали самого темного, самого уже малограмотного человека прямым участником величайших событий. Почувствовав себя мелким, но необходимым винтиком в огромной исторической мясорубке, кромсавшей, перетиравшей его самого, пожелал он и лично во всем разобраться. <...>. Мыслить критически эти люди не только

не в состоянии, но и не желают. Любая идея, только бы она была достаточно крайняя, резкая, даже отчаянная, родившаяся в их косматых мозгах или случайно туда занесенная извне, тотчас усваивается ими как непреложная истина, затем уродуется, обрастает вздором, переплетается с обрывками других идей и становится идеей навязчивой. Тяжело сказать это – но, кажется, горгуловская «идея» наполовину вышла из блоковских «Скифов». Если бы Блок дожил до Горгулова, он, может быть, заболел бы от стыда и горя [Ходасевич, 1932].

Трудно определенно утверждать о блоковском стихотворении как источнике политических взглядов Горгулова. Однако в их основе действительно находится скифский миф, о чем можно судить по «предисловию от дерзкого автора» из его книги «Тайна жизни скифов» [Бред, 1932]:

Русский я. А всё, что от русского исходит, непременно дерзостью пахнет: как – политика, как – вольнодумство, критика и всё такое прочее... Поэтому... народ мы скифский, русский. Народ мы сильный и дерзкий. Свет перевернуть хотим. Да-с. Как старую кадучку ¹¹...

Можно заключить, что именно своей дерзостью, не обусловленной ни навыками, ни опытом, ни шахматными победами, привлек журналиста Быкова вызов Тургая, в чем он усмотрел аналогию с авантюрой Горгулова. В рассказе Яновского не раз подчеркивается славянская внешность героя, хотя имя его имеет, по одним источникам, тюркское происхождение и означает «сильный», по другим – монгольское, переводимое как «мудрый», «умный» ¹². Ум и сила действительно проявляют себя в финальном поединке как высвобождение неосознанного самим героем потенциала собственной натуры. Кроме того, в имени Тургай слышно созвучие с именем прародителя скифов Таргитая (вариант: Таргутай). Похоже, этот скифский след и стал определяющим в плане выбора автором именования героя, с намеком на его запараллеливание с фигурой Горгулова.

Таким образом, в подтекстном слое сюжет «Двойного нельсона» оказывается многограннее его поверхностного прочтения. Интерпретация рассказа сквозь призму горгуловских страниц в воспоминаниях Яновского усложняет образ главного героя. В историческом контексте его неудавшаяся попытка вырваться из-под воли нечистой силы прочитывается как

¹¹ Как белоэмигрант убил президента Франции. URL: <https://xn----7sbfxda1bemgms0a5lh.xn--p1ai/indНосикex.php/stati/3700-kak-beloemigrant-ubil-prezidenta-frantsii-2> (дата обращения 06.09.2024).

¹² URL: <https://famiry.ru/database/names/turgai> (дата обращения 07.09.2024).

знак обреченности на бездомье не только самого писателя, но и всего его поколения, на долгое время выпавшего из российской истории и получившего меткое метафорическое именование «незамеченного» [Варшавский, 1956].

Список литературы

- Беме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении. М.: Азбука-классика, 2000. 411 с.
- Бред П. Тайна жизни скифов. Проза и стихи. Париж: Франко-славянское издательство, 1932. 125 с.
- Варшавский В. Незамеченное поколение. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. 385 с.
- Гёте И.-В. Фауст. Трагедия / Пер. с нем. Н. А. Холодковского. СПб.: Азбука-классика, 2004. 528 с.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. 422 с.
- Носик Б. Сентиментальные и документальные истории русского Парижа. М.: Радуга, 2006. 384 с.
- Потемкин П. Автомат, или Чудеса, случившиеся в Старой Праге в 183... году // Жар-Птица (Париж). 1926. № 14. С. 33–39.
- Проскурина Е. Н. Поэтика Владимира Зазубрина: жанровые, сюжетные проекции. М.: Новый хронограф, 2020. 208 с.
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. 6. 574 с.
- Рубинс М. Странный писатель русского зарубежья // Яновский В. С. Любовь вторая. Избранная проза. М.: НЛО, 2014. С. 5–48.
- Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж: YMKA-Пресс; М.: Русский путь, 1996. 448 с.
- Ходасевич В. О горгуловщине // Возрождение. 1932. 11 авг.
- Яновский В. Двойной нельсон // Русские записки. 1937. № 2. С. 43–58.
- Яновский В. Двойной нельсон // Время и мы. Нью-Йорк, Иерусалим, Париж. 1986. № 93. С. 33–72.
- Яновский В. Поля Елисейские. Книга памяти. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 277 с.
- Яновский В. Двойной нельсон // Яновский В. Любовь вторая. Избранная проза. М.: НЛО, 2014. С. 357–373.

References

- Beme Ya. *Avrora, ili Utrennyaya zarya v voskhozhdenii* [Aurora, or Morning Dawn in the ascendant]. Moscow, Azbuka-klassika, 2000, 411 p. (in Russ.)
- Bred P. *Taina zhizni skifov. Proza i stikhi* [The mystery of life of the Scythians. Prose and poetry]. Paris, Franko-slavyanskoe izdatel'stvo, 1932, 125 p. (in Russ.)
- Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenii* [The Complete Works]. In 30 vols. Leningrad, Nauka, 1973, vol. 6, 422 p. (in Russ.)
- Goethe I.-V. *Faust. Tragediya* [Faust. Tragedy]. Trans. from German by N. A. Kholodkovsky. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2004, 528 p. (in Russ.)
- Khodasevich V. *O gorgulovshchine* [About gorgulishness]. *Vozrozhdenie*, 1932, August 11. (in Russ.)
- Nosik B. *Sentimental'nye i dokumental'nye istorii russkogo Parizha* [Sentimental and documentary stories of Russian Paris]. Moscow, Raduga, 2006, 384 p. (in Russ.)
- Potemkin P. *Avtomat, ili Chudesa, sluchivshiesya v Staroy Prage v 183... godu* [Automaton, or Miracles that happened in Old Prague in 183... year]. *Zhar-Ptitsa* (Paris), 1926, no. 14, pp. 33–39. (in Russ.)
- Proskurina E. N. *Poetika Vladimira Zazubrina: zhanrovye, syuzhetnye proektsii* [Vladimir Zazubrin's poetics: genre, plot projections]. Moscow, Novyi Khronograf Publ., 2020, 208 p. (in Russ.)
- Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenii* [The Complete Works]. In 10 vols. Leningrad, Nauka, 1978, vol. 6, 574 p. (in Russ.)
- Struve G. *Russkaya literatura v izgnanii* [Russian literature in exile]. Paris, YMKA-Press; Moscow, Russkii put', 1996, 448 p. (in Russ.)
- Rubins M. *Strannyi pisatel' russkogo zarubezh'ya* [Strange writer of the Russian Abroad]. In: Yanovsky V. *Lyubov' vtoraya. Izbrannaya proza* [Love Two. Selected prose]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, pp. 5–48. (in Russ.)
- Varshavsky V. *Nezamechennoe pokolenie* [The unnoticed generation]. New York, Publ. named after Chekhov, 1956, 385 p. (in Russ.)
- Yanovsky V. *Dvoinei nel'son* [Double Nelson]. *Russkie zapiski*, 1937, no. 2, pp. 43–58. (in Russ.)
- Yanovsky V. *Dvoinei nel'son* [Double Nelson]. In: *Vremya i my*. New York, Jerusalem, Paris. 1986, no. 93, pp. 33–72. (in Russ.)
- Yanovsky V. *Polya Eliseyskie. Kniga pamyati* [The Champs Elysees. Book of Remembrance]. St Petersburg, Pushkinskii fond, 1993, 277 p. (in Russ.)

Yanovsky V. Dvoinoi nel'son [Double Nelson]. In: Yanovsky V. Lyubov' vtoraya. Izbrannaya proza [Love Two. Selected prose]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, pp. 357–373. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Николаевна Проскурина, доктор филологических наук
WoS Researcher ID K-6509-2017

Information about the Author

Elena N. Proskurina, Doctor of Sciences (Philology)
WoS Researcher ID K-6509-2017

*Статья поступила в редакцию 14.01.2025;
одобрена после рецензирования 10.03.2025; принята к публикации 10.03.2025
The article was submitted on 14.01.2025;
approved after reviewing on 10.03.2025; accepted for publication on 10.03.2025*